

Н. В. Писарь

«Добро – зло» в составе дихотомии «бог – дьявол»

На материале Изборников 1073 и 1076 гг. рассматривается оппозиция «добро – зло» как ядерный компонент дихотомии «бог – дьявол», анализируются особенности семантической противопоставленности лексем-репрезентаторов данной оппозиции в соотношении с концептами «бог» и «дьявол».

Ключевые слова: языкознание, древнерусский язык, историческая семантика, дихотомия, концепт, Изборник, XI век.

N. V. Pisar

“Good – Evil” as a part of a Dichotomy “God – Devil”

On the material of the Miscellanys of 1073, 1076 the opposition “good-evil” is considered as the basic component of the dichotomy “god – devil”, particularities of semantic contrast of lexemes-representatives of this opposition are analyzed in relation with concepts “god” and “devil”.

Keywords: Linguistics, Old Russian language, historical semantics, dichotomy, concept, Miscellany, XI Century.

В настоящее время в современном языкознании большое внимание уделяется специфике связи языка и мышления, поэтому значительный интерес представляют научные исследования в области когнитивной лингвистики, описывающие языковую картину мира, которая формируется посредством особых мыслительных единиц – концептов. Как справедливо указывает Е. С. Кубрякова, «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [7, с. 21], а значит, позволяет выявить специфику понимания человеком окружающего мира.

Для русского народа характерно восприятие действительности в соответствии с нравственными ориентирами христианского вероучения, которые прежде всего формируются на основе представлений о Добре и Зле. Воплощением этих понятий, имеющих приоритетное значение для русского общества, являются Бог и дьявол, реализующиеся в языке и в сознании нации посредством одноименных концептов, в наиболее четком виде обнаруживающиеся в древнерусских текстах, фиксирующих особенности соответствующей аксиологической системы. В качестве материала исследования нами были выбраны Изборники 1073 и 1076 гг., которые, как отмечает Н. А. Мещерский, «служили своеобразными справочниками энциклопедического характера, отвечая запросам тогдашних читателей в обла-

стях богословия, истории, экзегетики, юриспруденции и морали» [9, с. 90]. При этом оба памятника не относились к числу богослужебных, а использовались преимущественно для домашнего чтения. Соответственно, Изборники были книгами, выражающими ключевые нравственные критерии аксиологической системы, на которых основывалась жизнь русского общества.

Бог в сознании русичей ассоциируется с абсолютным Добром – нравственной категорией, формирующей систему этических ценностей, которая означает «ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоему стандарту или сам этот стандарт» [2, с. 675]. Н. О. Лосский отмечает, что «Бог открывается в религиозном опыте не только как абсолютная полнота бытия, но еще и как высшая абсолютно совершенная ценность, как само Добро во всех смыслах этого слова» [8, с. 50]. Соответствующее представление о Боге реализуется в Изборниках 1073 и 1076 гг. посредством лексем **добро** – «все положительное, хорошее (противоп. зло); то, что хорошо, полезно, приятно» [10, с. 479] и **благо** – «ἀγαθόν, εὐχέ, добро, хорошо» [12, с. 91]. Ср.: «б^г всего блага исполнень» [5, с. 175]; «добро ^бсть богатство въ немъ же н^{сть} гр^ха», «къто же ^б без гр^ха. разв^н ^бдинъ б^гъ» [5, с. 350, 251]; «да симъ оубо разоум^н ^бмъ "ко правую в^рою и добрыими дл^н зиждеть с# 1д^ншьныи домъ ти тако живетъ въ насъ б^гъ» [5, с. 488]». В связи с этим тесная со-

отнесенность понятия «добро» с концептом «бог» обуславливает и появление таких оценочных лексем, содержащих в своей семантике положительные коннотации, как **благыи** – «святой, праведный» и **добрыи** – «добрый (противоп. злой), близкий, преданный» [12, с. 109–110, 681–682]. Данные лексемы реализуются как эквиваленты древнегреческой лексемы *ἀγαθός* – «хороший, добрый, милосердный» [3, с. 10], что свидетельствует об их смысловой близости. Ср.: «Приметь *благын г□ъ* мол□тви тво□. акы мати младенц#» [5, с. 251]; «Неразоуми же оубо □сть □же приход#шт#мъ вчньнымъ дарьмъ *бл□гааго б□а*» [5, с. 246]; «зълаго бо изволени" *благыи б□ъ* о□ць бытии □ствства не имать» [4, с. 68]; «*благъ г□ъ* тьрп#ттиимъ его въ д□нь скърбьныи, разоуметь соуьмн#шта"с# □го» [4, с. 162]; «и дйт сво" и женоу свою и въсе плем# сво□ поручи *б□оу: доброуоуму блюстелю*» [5, с. 182]; «моли с# владыщ *б□оу доброуоумоу хытрыц□*» [5, с. 678].

По мнению В. В. Колесова, «лексемы добрыи и благыи противопоставлены стилистически, о чем свидетельствуют древнерусские тексты» [цит. по: 1, с. 8]. Ср.: с одной стороны, «*добрыьби* троудъ, добл# жена» [5, с. 98, 384], с другой, – «*благын г□ъ*» [4, с. 162], что отражается в закреплении лексемы **благыи** за выражением духовного, небесного, божественного, а лексемы **добрыи** – за выражением земного, вещественного, человеческого проявления жизни. Однако, как отмечает Р. В. Алимпиева, не следует оценивать этот стилистический нюанс столь категорично, поскольку соответствующие употребления слова **добрыи** имеют низкую частотность, а также наблюдается наличие многочисленных примеров семантического параллелизма **благыи** и **добрыи**, проявляющегося в их употреблении в соотносительности с реалиями, связанными с миром высокой духовности. Ср., например, пастоухъ добрыи и благыи; благое дхло – доброе дхло; благыи поуть – добрыи поуть и т. п. [см.: 1, с. 8].

Соотнесение Бога с абсолютным Добром реализуется и в действиях, осуществляемых Господом, которые всегда являются благами. «Для Бога, например, – пишет В. С. Соловьев, – необходимо любить всех и осуществлять в творении вечную идею блага» [11, с. 53]. В связи с этим человек, который живет по христианским заповедям и творит добрые дела, вознаграждается Господом и приобретает духовное совершенство. Данное утверждение отражено в Изборниках посредством функционирования группы таких лек-

сем с корнем *благ-*, как *благодѣтъ*, *благодать*, *благын#*, *благость*, *благостын#* и др., о чем свидетельствует их репрезентация в следующих контекстах: «и *г□ъ дастъ* ти ю: прѣмудрость бо и наказани□ страхъ г□нь и *бл□гслвлени□* вѣра и кротость» [5, с. 313]; «сѣмѣр#и с# и прѣдъ г□дмь обр#штеши *благодѣтъ*» [5, с. 416]; «л□би сво□ тѣло паче д□ш#: *б□жю бл□гдаты* не полоучить» [5, с. 456]; «*бл□гостыни* на нихъ дѣтъ с# *б□жи*» [5, с. 506]; «*бл□годѣтъ г□а нашего* *Г□у Х□а*, и любы о□ца и б□а, и приобѣтение с□тго д□ха съ всѣми вами» [4, с. 7]; «то како разоуметь нагъ *б□жск|ихъ бл□л|нь*» [4, с. 24]; «*бл□гостыню божю* приемлютъ» [4, с. 183]; «невѣды, "ко *бл□гыни б□жи*" на пока"зь т# ведеть» [4, с. 183]; «не бо нъ в седмыи *г□ъ очь дѣлъ своихъ бл□говѣстныхъ* почи въ гробѣ» [4, с. 108].

Соответственно, «тождественность онтологических понятий “бог” и “благо” получает свое непосредственное отражение в системе древнерусского языка» [15, с. 63–64], что и обуславливает специфику функционирования лексем с корнями *-благ-* и *-добр-* в соотносении с концептом «бог», а значит, как правомерно отмечает В. В. Колесов, основной чертой русского народа является «его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим» [6, с. 229].

Все, что противоречит Добру, является Злом, поскольку «безусловное Добро или Бог, – пишет Е. Н. Трубецкой, – одно и то же; а зло есть не что иное, как активное отрицание добра» [13, с. 311]. Бог и Дьявол в сознании древнерусского человека всегда противопоставлены. Бог ассоциируется с Благом, Дьявол реализуется как олицетворение Зла, поэтому упоминание Сатаны как «существа, дошедшего до предела зла» [8, с. 103], всегда сопровождается отрицательной оценкой, о чем свидетельствуют, например, следующие контексты. Ср.: «а *зълѣ* при~мламо и хранимо *зълѣ~ди"вола* "вить ся гоубя тя» [5, с. 197]; «въсе *дхло зъло* възоушт#□тъ *ди"вола*» [5, с. 306]; «*ди"воль* никого же не нудить нъ тькъмо *нахва□тъ* а *зълъ наоукъ ноудить* чл□вка "ко же и *ди"вола паче*» [5, с. 529–530]; «не бо носи знамении оужичьства, да онъ сво□ оужичьство при□мл□тъ да злааго оубо м□жа мл□тва, дон□лѣ же въ *зълѣ □сть, диавол□ призывани□ □сть*» [4, с. 69].

С понятием «зло» непосредственно связаны и такие номинаты дьявола, как злои (доухъ) – «приносящий зло» [12, с. 1007] и **зълкозньныи**

– «совершающий плохие действия» [12, с. 1003]. Этимологически определение **злой** и первая часть сложного слова **злогокозньный** родственны лит. *atžūlas, atžūlūs* «черствый, бесчеловечный», нов.-перс. *zūg* «фальшивый, ложь», а также с другим чередованием – лит. *žvalūs* «проворный», др.-инд. *hvāratī, hvālatī* «идет кривыми путями», осет. *æwzæg* «плохой» [14, с. 99]. Вторая же часть лексемы **злогокозньный** (*кознь*) этимологически восходит к *ковать, кую, коварный* и имеет значение «засада, коварство» [14, с. 279]. Ср.: «творить и се многашды ди"воль *злогокзньный*» [5, с. 635]; «мню оубо семоу *злогоуоумоу доухоу* ^дана □диного оного гласа ради» [4, с. 179]; «и приплетес# *д□хъ зль*» [4, с. 180]; «о *зльо* □ *же ди"воле* и остро □ *вроужи* □» [4, с. 172].

Таким образом, человек определяет субстанцию Бог как значимую и ценную для него, дающую ему Благо, а дьявола как олицетворение всего плохого, отрицательного. Соответственно, противопоставление Бога как абсолютного Добра и дьявола как Зла в сознании славян непосредственно связано с оценкой окружающей действительности как соответствующей или противоречащей идеальной модели существования, соответствующей или нет основным нравственным ориентирам человеческого общества, что получает четкую выраженность в парадигме лексем такой семантической ориентации (благо, добро, благии, добры, благодстьни, благодть – зло, злой, **злогокзньный**), а значит, оппозиция «добро – зло» является ядерным компонентом аксиологической картины мира русского народа.

Библиографический список

1. Алимпиева, Р. В. О концептуальном пространстве «добро» – «зло» в древнерусском языке XI–XIV вв. [Текст] / Р. В. Алимпиева // Семантика языковых единиц в диахронии: сб. науч. тр. ред. ; С. С. Ваулина, Р. В. Алимпиева и др. – Калининград : Изд-во КГУ, 2001. – С. 3–11.
2. Апресян, Р. Г. Добро [Текст] / Р. Г. Апресян // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 1 (А–Д) / РАН Ин-т философии. общ.-науч. фонд; научно-ред. совет: предисл. В. С. Степина и др. ; науч. ред. М. С. Ковалёва, Е. И. Лакирева и др. – М. : Мысль, 2000. – 723 с.
3. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь [Текст] / сост. А. Д. Вейсман. – СПб. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
4. Изборник Святослава 1073 г. [Текст]. – Факсимильное издание. – М. : Книга, 1983. – 266 с.
5. Изборник 1076 г. [Тексты и исследования] / АН СССР, Ин-т русского языка; изд. подгот. В. С. Голышенко и др. ; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1965. – 1091 с.
6. Колесов, В. В. История русского языка в рассказах [Текст] / В. В. Колесов. – 3-е изд., перераб. – СПб. : Авалон: Азбука-классика, 2007. – 221, [1] с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под ред. Е. С. Кубряковой. – Ксерокопия. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 246 с.
8. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра [Текст] : основы этики / Н. О. Лосский; авт. введ. А. И. Титаренко. – М. : Политиздат, 1991. – 368 с.
9. Мещерский, Н. А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. [Текст] / Н. А. Мещерский // Изборник 1073 г. : сбор. ст. / АН СССР, Научный совет по истории мировой культуры; отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1977. – С. 90–99.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Текст] : в 10 т. Т. 2 (възалкати – доброд□тельникъ) / АН СССР. Институт русского языка; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Русский язык, 1989. – 494 с.
11. Соловьёв, В. С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе [Текст] / В. С. Соловьёв. – СПб. : Художественная литература, 1994. – 526 с.
12. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст] : в 3 т. Т. 1: А–К / И. И. Срезневский. – Репринтное изд. – М. : Книга, 1989. – 1520 с.
13. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни [Текст] / Е. Н. Трубецкой // Смысл жизни в русской философии. – СПб., 1995. – С. 259–341.
14. Фасмер, М. Р. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. Т. 2 (Е–Муж) / пер. нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1964–1975. – 672 с.
15. Хабарова, О. В. Триединство «Добро-Истина-Красота» как ядерный компонент концептуального пространства «Прекрасное» в древнерусских текстах XI–XIV вв. [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: защищена: 15.06.06 / О. В. Хабарова. – Калининград, 2006. – 187 с.